Выходитъ щопятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 21. Львовъ, 17 Мая 1856. РОКЪ IX.

НА ЧАЙЦѢ.

Рось — Росава, якъ проснуся
Заплачу — ахъ! ахъ!
На васъ и сплю и дивлюся
И тону въ слезахъ.

Звукъ мой думки свѣтъ не знаетъ
Смуткомъ мнѣ прикрытъ'
Пустымъ словомъ пѣсня граетъ
Думка въ сердцу спитъ.

Вотъ ся чайка шпарка гожа
Напираетъ тамъ,
Где родиме Запорожа
Где летѣлъ бымь самъ.

Тамъ то небо!... тамъ видати
Свѣтитъ Божій „дивъ:"
Люба чайко! намъ не рвати,
Цвѣтковъ зъ тѣхъ тамъ нивъ.

Где тьи поля, где дубровы,
Що думками грали?
Степь, вороги и островы
Якъ во снѣ пропали.

По надъ моремъ въ слезахъ гину
Пропадаю самъ;
Люба чайко! въ Украину
Колибъ плысти намъ?

Колижь будетъ день погоды
Скажи море щось?
Чи побачимъ наши воды
Росаву та Рось?

Русинъ зъ Рима.

ѸТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе).

Встала и съ легонька отворила двери прилежащой спальни.

„Добрый день любезна доню! Богъ съ тобою;" — озвалсѧ солодкій голосъ изъ спальни.

— „Добрый день, предобра мати!" отвѣчала приближающаѧсѧ къ ней дочь, и радо оуцѣловала рꙋкꙋ отъ сна пробꙋдившойсѧ матери. „Ꙗ дꙋмала, що вы еще спите;" говорила съ оумиленіемъ дѣвчина, бо по вчерашномъ слꙋчаю, и долго къ ночь продолжающойсѧ бесѣдѣ, долженъ сонъ крѣпкій при милой зорницѣ настꙋпити."

„Довольно оукрѣпительного сна, люба Ганꙋсю!" сказала мати, „а вчера слꙋчившоесѧ оскорбленіе да оуничтожитъ свѧтый Іоаннъ божіею крѣпостію, и да ороситъ въ нынѣшній праздникъ наши изнемогающіи члены своею оживительною тайною водою!"

— „Ваша цѣла надѣѧ, ваше цѣлое стремленіе почиваетъ въ Бозѣ, отвѣчала Ганꙋсѧ благоговѣйно, „крѣпкое расположеніе вашей дꙋши не дастьсѧ поглотити бꙋрами тꙋземного житіѧ! Лишь ꙗ бѣдна, сколь много пакостамъ имѣю противо стати въ юности моей! Се стою ꙗкъ слабаѧ былинка на обширномъ полю,

и кромѣ васъ, люба мати, и моего дорогого стрыя не имѣю на великомъ свѣтѣ иныхъ земныхъ хранителей;" додала сѹмно красна дѣва, а лице ей не долго предъ томъ такъ ꙗсно сїявшое покрылось тоскою при воспоминаню тоскной ей доли.

„Не безпокойся, моя дочь, про твою бѹдѹщность мы во всѣ, ꙗко дѣти милостивѣйшого отца небесного есьмы ополченны его всесильнымъ щитомъ и его безплотными посланниками; ободрись и помни на мѹдрыи поѹченїя блаженно оусопшого твоего отца и на словеса, которы онъ при послѣдномъ воздыханїю изрекъ: ꙗко съ его смертїю твоя лѹчша сѹдьба не оукончаетcя, — що чистая и нравственная дѹша почїетъ также въ чистомъ и безмолвномъ теченїю жизни. — Вотъ оуплываетъ вже одинъ годъ, ꙗкъ на тѣмъ оуединенью живемъ. Не могѹ сказати, що въ достаткахъ живемъ, що въ обществѣ благосклонныхъ сосѣдъ розвеселяемся. Оумеръ отецъ и принѹжденны есьмы съ ежедневною потребою боротися; значительнѣйшїи дрѹгїи не хочѹтъ насъ отъ смерти отца знати, и ꙗко пѹстынники жизнь провождаемъ междѹ веселящимися мїромъ! Но ꙗ не говорю тобѣ сей печальный опытъ для того, дабы твое болѣюще сердце еще больше не огорчати. О нѣтъ, люба Ганѹсю! Въ собственныхъ оскорбленїяхъ мѹчимся, и въ собственныхъ оскорбленїяхъ потѣшаемся. Тотъ Богъ, который насъ печалитъ, тотъ насъ наслаждаетъ изобильно дѹшевнымъ миромъ. Сїе наше оуединенное житье имѣетъ ровно свои а можетъ быти даже и большїи оутѣхи, ꙗкъ роскошный животъ заможныхъ господиновъ."

— „Предобра мати!" сказала доселѣ молчаща Ганѹся, „сколь много ꙗ вамъ благодарна есмь! Ваша бесѣда солодка изливаетъ всегда благовонный балсамъ въ мое иногда огорченное сердце а печальна и помраченна бѹдѹщность видится мнѣ свѣтлыми красками озаренною быти."

„Люба, добрая доню! ты есь всегда милѣйшею оутѣхою моею, которою ꙗ величаюсь ꙗкъ дорогоцѣннѣйшимъ сокровищемъ!" Тое рекши оучтивая мати оуцѣловала оумильно пламенѣюще чело доброжелательной дочери. „Но ꙗкъ вижѹ," продолжала мати, „солнце поднеслось оуже довольно высоко, а не задолго оударятъ въ звоны на Всенощное и Оутреню, на который то святый чинъ и намъ, ꙗко правовѣрнымъ Христїянамъ ꙗвитися нѹжно."

То сказавши встала опытна мати изъ ложа, и наряжалась по сердечной молитвѣ въ святочный строй, зачѣмъ и Ганѹся, оустроивши хорошїи косы головы, чистое лилїевое платье надѣла. Окрывши рѹмяное лице соломеннымъ капелюхомъ съ широкими крысами, пошла до свѣтлицы съ ожиданїемъ, поколь не прїѹготовится мати до достойного посѣщенья церкви.

Оустремивши свой взоръ въ синѹ даль, въ чѹдеснѹ оутреннѹ картинѹ — задѹмалась красна дѣвчина при обозрѣнью юной природы о свою счастлившѹю сѹдьбѹ, которая-же изчезла, ꙗкъ тїи волны днѣстровыи, которыи жѹрчачи мимотекѹтъ. И ꙗкаяжь невинна красота розлилась по ей задѹмчивомѹ лицѹ! Бѹдьто ꙗкая Нимфа, заблѹдивша изъ лѣсовыхъ святынь давныхъ Грековъ въ нашїи стороны, — стояла она въ плѣняющомъ видѣ.

Наразъ скрипнѹла дверь, и се ꙗвился на порогѹ свѣтлицы мѹжь крѣпкой и великанской нарѹжности. Хотя сивыи волосы головы его многочисленно розсѣянны были междѹ чорными; однакожь черты лица были

бодрый, не знаменуючи ни наименше, що онъ шестьдесятый годъ вѣка совершилъ, бо и морщины не переорали еще лице въ значительномъ числѣ, кромѣ що на челѣ и на лѣвой щецѣ незтерты слѣды когда-то въ битвѣ отнесеныхъ ранъ вкоренились. Очи того великана-человѣка пламенѣли подъ густыми бровами такъ мужескимъ огнемъ; якъ и оною дѣлательностью души, которая никогда не дастся захватити ничтожными дѣлами; легкіи морщины чела соединялись по острому ломанью въ трохъ рѣзкихъ чертахъ надъ носомъ, и означали невсыпаемую дѣлательность мыслей его, а изліянна по челѣ и лицу якая то благородность и твердость являли ненарушимый характеръ души.

Ходъ его былъ дерзкій, такъ якъ и цѣлое успособленіе стремленій духовныхъ. Сивая сукманка и чорный кафтанъ покрывали крѣпкіи члены, а синіи штаны губились въ великихъ чоботахъ.

„Слава Іисусу Христу, а тобѣ добрый день, добра Ганусю! вскрикнулъ онъ громкимъ но добродушнымъ голосомъ.

„А добрый день вамъ, любимый стрыю!" отвѣчала съ радостнымъ трепетомъ пробудившаяся отъ своей задумчивости дѣвица.

Лишь прежде нежели поступимъ дальше въ повѣствованью нашемъ, видится быти вже на времени, щобы ближайше о домашной судьбѣ наведенной родины довѣдатися.

И ктожь то была тая благородная жена и ей дочь, кто былъ тотъ послѣди явившійся бодрый старикъ?

Старѣйшая женщина была супругою предъ двома лѣтами усопшого приходника упомянутого села. Имѣя практически-здоровый розсудокъ и родинными злоприключеніями непоколебимую постоянность души, представляла она съ своимъ доброжелательнымъ мужемъ примѣръ счастливого супружества. Одна только дочь мовь дорогоцѣнный цвѣтъ на родинной нивѣ украсила ихъ сожитье, которою они якъ истиннымъ своимъ сокровищемъ величатись могли, бо тѣлесную ей красоту превосходила нравственная чистота души.

Но и тому мирному сожитію завидовалъ ворогъ жительскій, — тотъ ворогъ человѣчества, который чорною своею сѣтью счастіе земное подавляетъ. Ужасный пожаръ уничтожилъ въ одной бурливой ночи цѣлое имѣнье и господарство. Было то около Честного Креста, коли весь домашній хлѣбъ въ житницахъ (гумнѣ) почивалъ. Не только весь запасъ жита, пшеницы . . . замѣнился въ попелъ, но и бѣдная скотина была по большой части жертвою огня поглощающого все господарство ненасытимою челюстью. Не задолго впалъ и самъ отецъ въ опасную немощь, до чого очевидно прискорбіе послѣди случившоеся причинилось, — и скончался, оплаканъ сердцекрушительнымъ жалемъ отъ предоброй супруги и невинной, — осироченной дочери!

И такъ изчезла ихъ счастливая судьба, изчезли прелестныи картины родинного мира въ край печальной безпамяти, а сумная тоска роспростерла свои чорныи крыла надъ лишенными несчастными, и подала имъ чашу горести, чашу болѣзни, щобы ю до неизслѣдимого дна выпити. — Учтивая вдовица была принуждена съ тринадцатилѣтною дочкою двойную печаль сносити: кромѣ сумного воспоминанія смерти мужа — отца, приходило ей такожь боротися съ недостатками и тысячными непріятностьми, бо:

„на попа звонятъ, а попадю съ хаты

гонатъ;" кажетъ ѣдкая, но правдивая народная пословица.

Лишь на счастье кꙋпилъ былъ благоразꙋмный приходникъ за житїя своего оу одного обѣднѣлого газды осмь десятинъ земли, на которомъ-то грꙋнтѣ онъ хатинꙋ съ прилежащими зданїями оустроилъ, дабы въ слꙋчаю нечаянной своей смерти сꙋпрꙋга съ дочерью мирный оуголъ и довольное оуспокоенїе имѣла.

Въ той хижинѣ обиталъ до смерти оупомянꙋтого приходника тотъ старикъ-великанъ, которого Ганꙋся старыемъ прозвала. Щожe касается сꙋдьбы того воинственного брата оусопшого священника, то она была слѣдꙋющою:

Бꙋдꙋчи старѣйшимъ сыномъ одного проворного економа прилагался дерзкїй Борисъ наꙋкамъ нижшихъ школъ. Но безпокойный дꙋхъ молодца не имѣлъ нїякой охоты наслаждатися дꙋховною пищею; протое отданъ былъ отцемъ, по многократныхъ напоминкахъ до сосѣдного городского ковала. И въ самомъ дѣлѣ сгибалось твердое желѣзо скорѣйше подъ оударами молота, нежели сердце легкомысленного молодца подъ влїянїемъ давныхъ оучителей. Минꙋло нѣсколько лѣтъ, а изъ хлопака сталъся крѣпкїй и гибкїй юноша, который взятый въ рекрꙋты, принꙋжденъ былъ карабиномъ и саблею вмѣсто нескладного молота выбивати. И такъ затащили нашого гренадира Бориса по нѣсколькольѣтныхъ воинственныхъ оупражненїяхъ въ чꙋжїи краи, щобъ колебающꙋся силꙋ францꙋзского Героя поглотити. Пришло до битвы подъ Лейпцигомъ, а Борисъ бился яко змїй, рвался напередъ незважаючи на нїякꙋю опасность: коли напрасно онъ съ своимъ офицеромъ оузрѣлъ, що за далеко въ толпꙋ враговъ вторгнꙋлись, во вотъ прискочила въ мгновенїи толпа францꙋзскихъ гренадировъ, котора съ цѣлою жестокостью до Офицера и Бориса взялась. Но тотъ послѣднїй такъ храбро оборонялся, що не зважаючи на раны отнесенны на челѣ и щецѣ, не только себе, но и Офицера, заслоняющогося широкими плечами своего подрꙋчного отъ оудара смертного такъ долго охоронялъ, поколь не пришелъ на помочь дрꙋжескїй отрядъ. Тая храбрость не была не надгороженною; и еще на полю битвы былъ Борисъ фельдфебелемъ отъ Генерала именованъ, который тотъ чинъ героическїй видѣлъ. И такъ обтерши изъ чела кровавыи стрꙋи раны, вмѣсто прилꙋчитися до вольныхъ, помчался нашъ богатырь съ полкомъ своимъ до Парижа, щобы оузрѣти розрꙋшенный тронъ завоевателя Европы.

По долголѣтномъ отсꙋтствїю повиталъ онъ радостно отечественнꙋю землю, и нетерпѣливо квапился притиснꙋти къ грꙋди старенькихъ родителей. Приближается къ родинной хижинѣ, и се встрѣчаетъ на воротахъ сѣдоглавого отца, ѣдꙋщого на конѣ съ нагайкою въ рꙋцѣ до роботниковъ. Но мати, — живетъ-ли она? Вотъ лежитъ тамъ на горкꙋ подъ зеленою могилою, а крестъ стремитъ надъ ей головою!

И щожь дѣлалъ въ тотъ часъ нашъ гренадиръ? Сталъся земледѣлцемъ, а коли отецъ про дряхлꙋю старость, своемꙋ господинови по волѣ слꙋжити немогъ, то досталъся на милостивый хлѣбъ, а мꙋжественный Борисъ ѣздилъ яко економъ съ нагайкою до роботниковъ.

Такъ то ведется на божомъ мїрѣ! И ктожь возможетъ свою бꙋдꙋщꙋю сꙋдьбꙋ предвидѣти?

Изъ школяра возвысился Борисъ на ковала, потомꙋ на фельдфебля, а теперь

на економа. А чѣмъ дальше станетъ быти, о томъ вѣдаетъ одинъ Господь Богъ!

Зналъ Борисъ еще за юности своей, прежде нежели взатый былъ въ рекруты, одное хорошое естество, которое думалъ за подругу житьа себѣ избрати. Была-то дочь одного богатого мѣщанина отвѣтствующа взаемно любовь молодца; по крайной мѣрѣ примѣтилъ такъ быстроумный Борисъ! Но щожь? Вертаетъ нашъ фелдфебель изъ похода, придумываетъ собѣ еще въ Парижь при величественныхъ Туилерїяхъ, якъ то онъ свою люби Евфрозину въ пламенѣюще лице поцѣлуетъ, и пышно на свою груди оукрашенну медалемъ, такожь и на чело въ битвѣ славы розоранное оукажетъ, — но тутъ новое зрѣлище! Евфрозина измѣнила ему, и еще передъ седми лѣтами пошла за иного мужа и имѣетъ, славити Бога, четверо дѣтей!!! Не сердился долго Борисъ, бо вже низвергъ изъ себе легкомысленного молодца, и облекса въ опытного, обозрѣтельного мужа, такожь познакомился онъ на великомъ свѣтѣ съ непостоянностю человѣческою.

Минуло нѣсколько за десать лѣтъ, а братъ его молодшій Петръ, оуправляючїй священническимъ чиномъ надъ Днѣстромъ, оупокоился въ Бозѣ, лишивши въ живыхъ свою любиму жену, и 13лѣтную дочь, и изъявивши волю послѣдную, щобъ братъ Борисъ надъ осироченною Анною отцевское попеченїе имѣлъ. И такъ прожила вдова Наталїя еще одинъ годъ въ приходскомъ обиталищи, и съ болѣющимъ сордцемъ перенеслась въ собственную хату, созданную оусопшимъ мужемъ, въ которой то хатѣ отъ пати лѣтъ Борисъ проживалъ.

(П. с.)

ОДАЯ И ОАЗЫ

(Путешествіе въ Сагару.)

(Продолженье)

О четвертомъ часѣ зъ полудна станула каравана, до которой принадлежалъ господинъ Рихардсонъ въ нѣсколькомъ отдаленїю отъ палаты духовъ. Англїйскїй путешественникъ, желаючи доказати поклонникамъ Мугамеда, що духъ христїанства возвышаетъ человѣка надъ все свевѣрное страханье, рѣшилъ ся тое обиталище духовъ самъ посѣтити. Вооруженъ саблею и списою, забралъ ся онъ въ путь. Скоро лишь шатра почезали зъ очей его, а онъ подъ темною тѣнью опокъ тѣхъ оучинилъ ся, лячно сдѣлалось ему про таинственную тишину того мѣстца. Самохоть пустилъ онъ око сеьь окресностевь, якъ бы желалъ пресвѣдчитися, що ни розбойники, ни духи тамъ не скрываются. Тиша, глубокая тиша царьствовала до окола него; опять бодростїю одушевленъ, свернулъ онъ мысли свои къ надбкамъ; онъ зажелалъ отъискати славутную тоту палату, которую духи въ самоможе сердцу Сагары создали. Присбиралъ нѣсколько каменныхъ оуломовъ и кремена; послѣ того началъ розсмотрикати верхъ тѣхъ скалъ, подобныхъ пирамидамъ. Въ одной хвилѣ попалося было ему на гадку, вылѣзти на одну изъ тѣхъ природныхъ обелисковъ, но послѣ здорового розсужденьа, залишилъ тое предприятїе, по которомъ не значный хосенъ ему явилъ ся, помня опасность зъ одного изъ тѣхъ верховъ стромголовъ слетѣти и лобъ скрутити. Отвернулся про тое отъ палаты духовъ, безъ найменьшого сношенїясь съ ними, и пустилъ ся дороговь якъ думалъ ведущовь въ простъ къ шатрамъ.

Солнце спускалось скоро внизъ на небосклонѣ. Рихардсонъ попалъ на несчастливую мысль, податись въ простомъ, якъ виделось ему найкоротшомъ направленію. „Препоручаю мовитъ онъ, всѣмъ путешественникамъ, слѣдующимъ по мнѣ въ путешествію Сагарову, дабы никогда путь свою не скорочали, особенно въ той части одаи, котора не есть имъ совершенно знакома. За чверть часа, когда онъ поступалъ дальше, думалъ, що находится въ направленію къ шатрамъ, оніже за нѣкими пѣсковыми горбками виделись ему быти; но когда онъ пріишолъ, не было ничь видко. Въ томъ мгновенію счезло и солнце, а багряныи хмарки пойшли въ его слѣдъ, дабы въ океанъ затопитися.

Блудилъ онъ въ близости, влазилъ на дерева, искалъ найвысшихъ горбковъ, зъ откуда могъ лишь далеко позрѣти и где яку признаку житья звачити, но всуе! И одинъ лучь свѣтилка не зазорѣетъ въ одаѣ. Оутомленъ и майже безъ памяти, находился Рихардсонъ въ необыкновенномъ обманѣ; думалъ онъ чути гдесь голосъ, що его кличетъ, виделось ему бачити путешественника ѣдущого на вельблюдѣ и шукающого за нимъ; такъ великъ былъ последній обманъ, що и покликовалъ на мнимого ѣздца. Помня що окрестность, въ которой онъ находился, обиталищемъ страховъ была, всѣ обманительныи зрѣнія блудящого, были мечтества чисто вещественного; розпаленна его фантазія не произвела ни одного естества несамовитого. Тогда или никогда имѣлъ онъ случайность, придивитися страхамъ или демонамъ танцующимъ при блѣдомъ свѣтлѣ мѣсяца; но дивнымъ свѣтомъ не оупотребилъ той случайности. Ласкался онъ надѣевъ, що поискаютъ за нимъ, но и тое не слѣдовало; пустился онъ въ долину но и то безъ послѣдствія: не стрѣтилъ ни вельблюдовъ, ни невольниковъ ни шатра; всюда царствовала тишина и неподвижимость. На конецъ почувствовалъ що ноги со всемъ ослабли и оутомленный оупалъ на землю. Нѣсколько хвиль по отпочинку, егоже оупотребилъ на тое, дабы смыслы свои позбирати, рѣшился отъискиванье шатра ажь до слѣдующого оутра залишити; подвигнулася: о сто кроковъ стояло на верху одного горбка прбковое дерево (Korkbaum); подорожный оуробилъ собѣ тутъ изъ тысящилѣтной постели жолтого листья леговище, въ которое мовь до вѣчного сна поклалъ ся.

Восточный вѣтеръ насталъ и свисталъ галузьемъ пробковего дерева; загорнувшися плащемъ, силился заблуканый подорожный отзыскати свое ровнодушіе. Не нужно было ему боятися нападу дикихъ звѣрей, когда не находилися тіи по тѣхъ обшарахъ; а лихопадныи розбойники въ тотъ часъ въ ину сторону Сагары пустились; лишь одинъ ворогъ загрожалъ ему, а ворогомъ тѣмъ была жажда, котору чувствовалъ вже въ собѣ. Намоглся оуснути, но даромъ. Горячо якъ никогда чувствовалъ англійскій путешественникъ самоту. Въ такихъ то хвилахъ счастливыи появы мирного домашного житья, якіи залишилисьмы, дабы на опасность наразитися, часто и майже безпрерывно попадаются намъ на гадку. Фантазія обновляетъ въ тотъ часъ всѣ впечатлѣнія, якіи лишь дѣточіи лѣта по собѣ залишили; подобно якъ римскій гладіаторъ Байрона, въ последной хвилѣ скону своего зеленыи береги Рену, радости счастливой юности передъ очами бачитъ и розпростертый на кровавой аренѣ римского

цирка, радостный крикъ своихъ товаришей слышати думаетъ.

На часъ передъ всходомъ солнца оученулъ былъ Рихардсонъ; когда прозрѣлъ, весь востокъ розпламенѣлся. „Подвигнулся" сказалъ онъ, дабы сумно торжественному явленью тому призиратися. Палата духовъ не припускала свѣтла въ глубокіи щелины опокъ своихъ; осталися они таинственною тѣнею огорненны, когда солнце одаи выше а выше воздвигалося горѣ небесами и волгкіи перлы востока по землѣ розсыпывало; безплодную изсохлую почву Сагары, зоря якимсь родомъ росы скрапляетъ. Подорожный злѣзъ изъ горбка, на которомъ переночовалъ, не понехавши спращати глипомъ леговище свое зъ пожолклого листья. Скоро лишь предмета лучше розпознати возможно было, забралъ ся онъ опять въ дорогу, препоручаючись искренною молитвою Богу, дабы спасъ его отъ такого несчастія. Опять навернулся къ злосчастной палатѣ, думаючи, що сопутники занимъ тамъ искати будутъ. Небавкомъ а станулъ оу стопъ тѣхъ сумныхъ опокъ, но даромъ силился познати окрестность, где началъ былъ свои геологическіи студія; поблудивши долго передъ тою великанскою громадою камней, почувствовалъ онъ себе безсильнымъ. Безсиліе тое поразило его ще большою обавою.

Рихардсонъ отдалилъ ся снова отъ палаты духовъ. Въ оужасной своей одностройности розпростирала ся передъ нимъ одая: по горбкахъ слѣдовали корчи, по корчахъ горбки; потомъ появила ся невеличка долина а опять пѣсокъ. Всегда повтарало ся одно и тое самое зрѣніе, появлялися тіи самыи предметы. На конецъ прибачилъ Рихардсонъ слѣды якоись караваны и рѣшился ступати по нихъ, но стрѣтилъ не предвидимыи препятствія. Долгими промежками счезалъ слѣдъ невтиснувшій ся въ суху и твердую почву; тожь подорожный отходилъ зъ пути, якою видѣлось ишла каравана и аажь по долгомъ кружанію могъ опять слѣдовъ допасти. Между тѣмъ розличалъ онъ слѣды велблюдовъ, барановъ, проводниковъ, но о слѣдахъ невольниковъ не давало ся ничь прибачити. При караванѣ было не меньше якъ 50 невольниковъ; и гдежь слѣды отъ босыхъ стопъ тѣхъ несчастныхъ? Господинъ Рихардсонъ долженъ былъ самъ собѣ признати, що тіи знаки не были тѣми, которыхъ онъ искалъ; глубокій стонъ произнесла грудь его, когда пресвѣдченіе насунулося явно. Нужно было ему возворотитися тою самою путею, но силы его потерянны отчаянностею чѣмъ разъ больше а больше слабнѣли. Два часа продолжалъ онъ оусилія свои; потомъ оупалъ оу стопъ пѣскового горбка недужно на землю. Но вліяніе моральнаго пресвѣдченія скрѣпило на хвилю его оутомленныи силы; заледвы могъ списъ, которымъ опиралъ ся подвигнути. Въ такой то нуждѣ даже самая смерть явится спасающою. Напрасно свачилъ по десной руцѣ бѣлую мимоходащую фигуру: былже то пріятель или ворогъ? или, была то новый жестокій обманъ? Собралъ послѣдніи свои сили въ крѣпость: о диво! ктожь выповѣстъ радость его? стоялъ онъ передъ шатромъ, отъ негоже отшелъ былъ вечеромъ.

Всѣ товариши его изъятно Негра Саида, заходящого ся вареньемъ обѣда, пошли къ палатѣ духовъ, дабы тамъ его отъискати, мнѣючи, що попался межи демоны или въ руки розбойниковъ. Саидъ самъ одинъ оставился былъ въ шатрѣ, заливаючись слезами про такъ добродушного

пана, который всегда такъ доборное кушанье въ дорозѣ возилъ съ собою. Рихардсонъ оутомленъ отъ трудовъ и душевныхъ страданiй, простерся на землѣ, а Негеръ оукарилъ ему чарочку гербаты. Закимъ ще окончилъ обѣдъ свой, повернули всѣ товариши его. Гамео былъ первый; сей часъ желалъ прислужитися Рихардсону своею ланцетою, но когда свачилъ злишки ихъ обѣда, тожь и оувѣдилъ ся тотъ ескулапъ Сагары, пускане крови на лучшiй случай отложити.

Второе путешествiе

пребываніе въ Оазахъ.

Возкоротившись отъ палаты духовъ, оувѣдился Рихардсонъ скоро, якъ лишь возможно сpращати тотъ пѣсочный океанъ, въ которомъ онъ даже омаль не попался самой смерти. Когда осмотрѣлъ пустыи обшары одаи, осталось ему перейти заселенныи ей части. Одинъ изъ древнихъ писателей * мовитъ: „Одая подабаетъ до кожи леопарда." Сровнанiе тое есть точное: Сагара множество такихъ оазъ имѣетъ. Рихардсонъ рѣшился посѣтити два значнѣйшiи городы оазъ, Гадамесъ и Гатъ.

Городъ Гадамесъ лежитъ въ той части Сагары, котора подвергается владѣнiю Султана Царьгородского; подъ необмеженною властiю басурманского намѣстника, пользуется онъ нѣкими муниципальными призволенiями. Городъ тотъ заселенъ есть майже самыми купцами, которы за Мароккутовъ оуважаются и суть ратного духа. Передъ басурманскимъ владѣнiемъ, городъ Гадамесъ нараженъ былъ безпрерывно на напады розбойникокъ отъ сѣвера и юга. Помимо частѣйшiи тiи напады, жители были заможныи, понеже городъ ихъ былъ складницею торговли межи Триполисъ а Суданомъ. Кромѣ того знали они одного корога занати другимъ, складаючи дачь послѣдному, дабы защищалъ ихъ отъ первого.

(П. с.)

* Страбо.

О влiянiю довѣрительности на службу и точное совершенье обовязковъ.

Общество человѣческое заключаетъ само въ собѣ яко условiе существованья своего, розличныи виды сношенiй, отношенiй а тѣмъ самымъ и зависимостей. Видимо, що нѣтъ остоятися человѣку безъ людей, а людямъ безъ мужей, которыи будучи избранными видится даже самою природою въ защитники, представники общественного союза, суть не яко основными столпами, на нихже весь общественный составъ полагаетъ и отъ нихъ зависитъ. Такимъ то свѣтомъ находятся люди въ сношенiяхъ и зависимости одни отъ другихъ, а по розличныхъ видахъ и родахъ тоижь зависимости, суть и розличныи обовязки каждого окремого человѣка, сущого членомъ общества человѣческого. Человѣкъ послѣдовавшiй точно и совѣстно успособленiю своему, стается полезнымъ, необходимымъ человѣкови, или крайнимъ словомъ сказавши, послѣ простонародного понятiя, человѣкъ служитъ человѣкови. Не есть намѣренiемъ нашимъ запускатися пространнѣйше во всѣ роды службы и обовязковъ, якiи лишь произвелись съ временемъ въ обществѣ, противо задачею нашою будетъ оказати теперѣшное состоянiе тогожъ сношенiя, въ поменьшихъ обыкновенныхъ галузахъ.

(П. с.)

Спис предплатителей на Зорю Галицкую того г. (продолженье).

Бл. госп. Теодоръ Бѣлоусъ ц. к. гимн. учит.
Преп. госп. Солтыкевичъ пар. изъ Буцова
" " Сабатовичъ пар. изъ Заланова
" " Грушкевичъ пар. изъ Вѣнятинецъ
" " Грушкевичъ пар. изъ Залѣся.
Его преп. госп. Кулчицкiй спир. сѣм. въ Львовѣ.

(п. с.)

Тvпомъ Института Ставропигiанского. Редакторъ Николай Савчинскiй.